

Д-р Дэниел Дж. Трейер , Притчи , занятие 3

Притчи 10–29, Пороки

© 2024 Дэниел Трейер и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэниел Дж. Терьер в своем учении «Притчи для христианской жизни». Это сеанс номер три, Притчи 10-29, «Капитальные пороки».

Это наша третья лекция о чтении Притчей для христианской жизни, в которой мы сейчас рассматриваем Притчи 10–29 с точки зрения семи главных пороков.

Традиционное христианское учение о добродетелях и пороках может помочь нам синтезировать и применять моральную мудрость , собранную в Притчах . Хотя отдельные пословицы запоминаются и иногда несколько пословиц объединяются в тематические группы, применение этих пословиц может показаться очень спорадическим, поскольку мы сталкиваемся с ними в определенных, иногда почти изолированных контекстах. Способность учитывать конкретную ситуацию — часть их гениальности, но эта гениальность может скрывать их более масштабную последовательность.

Их общее видение того, что значит бояться Господа, поддерживая узы верности завету и общественного процветания в контексте сотворенного мира. В идеале традиция основных и богословских добродетелей предлагает язык, на котором можно передать позитивное моральное видение Притчей. Однако люди сейчас переполнены эгоистичным безумием, идолопоклонством вместо верности Богу и несправедливостью вместо милосердия.

Пороки, противоположные добродетелям, нуждаются в суде. В христианских кругах важнейшие пороки стали ошибочно называть семью смертными грехами. Фильмы, документальные фильмы и даже книги теперь исследуют эту парадигму, иногда даже прославляя грехи.

Но типичная сосредоточенность на грехах, которые люди связывают с конкретными действиями, уже искажает то, на что направлена эта парадигма. Основные пороки называются так потому, что они представляют собой греховные склонности, из которых проистекают другие грехи, как корни цветов и деревьев. Таким образом, серьезные пороки слишком тесно связаны с сердцем, чтобы обеспечить кому-либо комфорт, а не только поведенческие последствия.

Тем самым они предлагают рецепт не законничества или отчаяния, а самопознания, которое сопровождает отношения завета с Богом, и, в конечном итоге, новой жизни во Христе Духом. Язычники могут распознать проблемы, связанные хотя бы с некоторыми из пороков, но их корнем является

беспорядочное желание. Таким образом, если человек не исцелит свои желания любовью к Богу, любые попытки победить эти пороки будут в основном перемещаться вокруг шезлонгов на Титанике, потому что временное преодоление похоти, обжорства и тому подобного может только усилить порабощение гордости.

По крайней мере, это верно на уровне индивидуальной жизни. Но опять же, как мы видели в последней лекции, существует также некоторый социальный стимул и ценность в том, чтобы люди реализовали хотя бы частичный самоконтроль для преодоления определенных пороков и частичной реализации определенных добродетелей. Существуют различные христианские списки этих пороков.

Их не всегда семь. Для простоты и экономии здесь я собираюсь рассмотреть семь и поместить тщеславие, которое довольно часто встречается в этих списках, я собираюсь поместить его под заголовок гордости. Гордыня обычно считается основным корнем этих основных пороков.

Между всеми остальными нет упорядоченных отношений. Не существует определенного порядка, который всегда побеждал бы, но гордость обычно рассматривается как нечто, лежащее в основе. Здесь мы собираемся действовать в порядке, обратном порядку Данте.

Его круги ада и террасы чистилищной горы подразумевают, что соответствующие пороки нисходят все дальше и дальше от страха Божия, а восхождение к чистоте должно начинаться с противостояния гордыне. Таким образом, общий порядок, в котором мы собираемся относиться к ним, все больше отражает противоположность истинному милосердию: гордость является крайней противоположностью, а затем зависть, гнев, лень, жадность, обжорство и похоть. Мы собираемся начать с похоти, потому что в каком-то смысле для Данте и многих других это не то, чтобы это самое далекое от истинного милосердия, это скорее самый легкий отход от истинного милосердия.

Итак, мы начнем с похоти и будем продвигаться вверх. Начав с похоти, мы укажем на тот факт, что каждый пользуется своей свободой в свете различной любви, в свете различных желаний. И эти пороки отражают различные стороны самолюбия и миролюбия, противоречащие боголюбию и ближнелюбию, в которых обретается истинная мудрость и истинная праведность.

Итак, по мнению Данте, три порока: гнев, зависть и гордость явно вредят другим из-за любви к себе. Лениность – это порок, отражающий неполноценную любовь к Богу, при которой нашей любви к Богу недостает всего сердца. А еще три порока

— похоть, чревоугодие и жадность — включают в себя чрезмерную любовь к тварным благам по отношению к Богу.

Итак, в каком-то смысле он предлагает своего рода педагогику, в которой мы начинаем наше возвращение к Богу с обращения к нашей чрезмерной любви к тварным благам, более полно любя самого Бога, а затем мы можем перестать причинять вред другим через нашу любовь к себе. Конечно, сама гибкость этих списков христианской традиции как по содержанию, так и по порядку пороков признает, что между нашими беспорядочными желаниями существуют многочисленные взаимосвязи. Настоящий список начинается со смертного греха, который является предметом наибольших насмешек в современной западной культуре, — похоти.

Многие богословы рассматривают христианскую традицию как источник отрицания тела и стыдливости в лучшем случае, а в худшем — репрессий. Без сомнения, среди классических христианских мыслителей есть некоторые нездоровые элементы, когда дело касается сексуальной этики. Однако они не просто презирали тело, а признавали его целостное влияние на человеческую личность острее, чем многие современники.

Именно наша оценка физических благ требует, как говорит Ребекка де Янг, чтобы мы не пытались использовать их для удовлетворения наших духовных потребностей, которые в такой степени движут нашей похотью, как привычка пытаться создать для себя собственное счастье на наших собственных условиях. Другими словами, похоть растет из гордости. Большая часть противодействия похоти в Притчах уже проявилась в главах с 1 по 9. Если эти тексты изображают не только физическое, но и в некоторой степени духовное прелюбодеяние, это уместно, потому что последнее, духовное прелюбодеяние, включает в себя динамику нарушающего завет самолюбия.

Притчи не перестают предупреждать об этих опасностях после 9-й главы. Например, в 22:14 уста распутной женщины представляют собой глубокую яму. Впадает в него тот, на кого прогневался Господь. Обратите внимание, что в некоторых из этих Притчей прелюбодейка становится орудием божественного наказания за глупость и духовное прелюбодеяние в целом.

Следовательно, любовь к удовольствиям, и, кстати, похоть — это не только секс, это удовольствие в более широком смысле, любовь к удовольствиям может привести к бедности, согласно Притчам. Кто любит удовольствия, тот будет страдать от нужды. Кто любит вино и елей, не будет богат, 21:17. Люди, охваченные своим желанием, в конечном итоге проводят весь день в обдумывании того, как творить зло, 21:25 и 26, и 24:8 и 9. Однако некоторые люди могут противодействовать такому необузданному желанию.

Желание праведных заканчивается только добром, ожидание нечестивых — гневом (11:23). Таким образом, победа над похотью заключается не в том, чтобы стать существами без желаний, что является невыполнимой задачей. Напротив, победа заключается в изменении объекта, природы и масштабов наших желаний так, чтобы праведность заменила злые корыстные интриги. В частности, что касается секса, здоровый брак может стать решающим компонентом такого упорядоченного желания, к которому призывают Притчи.

Тем не менее, люди не должны быть наивными, поскольку многие благонамеренные кампании воздержания, похоже, направлены на то, чтобы супружеский секс решил проблему похоти. Это не так, это часть более комплексной формы исцеления. Более того, другие элементы шалома, на которых Притчи основывают свой призыв к целомудрию, доброму имени, достаточным ресурсам, безопасности, социальной гармонии, а не вражде и т. д., эти другие элементы шалома также могут прийти в беспорядок, как показывают некоторые другие пороки. , если наше стремление к шалому, в конечном счете, не руководствуется страхом Господним.

Христианская традиция признает, что пороки, как и добродетели, взаимосвязаны. Отцы верили, что, в частности, наслаждения за столом неумолимо ведут к удовольствиям плоти . Тогда осталось всего несколько шагов до зависти, гнева, насилия и духовной лени, разрушающей душу.

Путь к сердцу мужчины лежит через желудок, говорит Кляйнберг. Итак, чревоугодие и похоть, любовь к удовольствиям, особенно сексуальным, и любовь к еде и питью связаны между собой. Но чревоугодие – это не так просто, как переедание или наслаждение.

Ребекка де Янг предлагает аббревиатуру FRESH, чтобы обобщить разнообразие ошибок, о которых здесь идет речь. Едят привередливо, жадно, чрезмерно, обильно, наспех. Другими словами, чревоугодие воплощает собой озабоченность едой, используя ее для удовлетворения души отдельно от Бога.

Хотя обжорство может быть результатом запоев, комфортной еды, фаст-фуда, сладкоежек и т.п., альтернативно, оно может включать неправомерный аскетизм или озабоченность контролем веса. Притчи связывают нечестивых с жадной едой. Господь не оставляет праведника голодным, но воспрепятствует жажде нечестивых (10:3). Согласно 20:13, Бог обеспечивает трудящихся праведников.

Не люби спать, а то обеднеешь. Откройте глаза, и у вас будет много хлеба. Бог удовлетворяет подлинные нужды нашего желудка.

Тем не менее, полное удовлетворение можно найти и в другом месте. 18:20, от плода уст насыщается желудок. Податливость губ приносит удовлетворение.

Другими словами, этот интригующий параллелизм в отношении рта определяет полное удовлетворение в праведности и мудрости, что проявляется, например, в своевременной речи: то, что выходит из наших уст, а не то, что входит. Между тем, более приземленное удовлетворение от еды на самом деле требует умеренности. , ни слишком мало, ни слишком много. Если ты нашел мед, ешь ровно столько, сколько тебе нужно, а иначе, имея слишком много, тебя вырвет им, 25:16.

Нехорошо есть много меда или искать славы сверх чести (25:27). Насыщенный аппетит отвергает мед, а для волчьего аппетита и горькое становится сладким, 27:7. Скольким из нас приходится признавать, что мы хватаем лишнюю еду на вечеринках или за обеденным столом, а также странное осознание того, что нам больше хочется обладать ею вместо других, чем есть ее для подлинного удовольствия в определенный момент? Притчи также противостоят глупости, связанной с пьянством.

Вино — глумливо, сикера, скандалист, и кто прельщается им, тот неразумен, 20 стих 1. Кто любит удовольствия, тот будет нуждаться, кто любит вино и елей, не будет богат, 21:17. Не будь среди пьяниц и среди прожорливых мясоедов, ибо пьяница и обжора обеднеют, и сонливость оденет их в лохмотья (23:20 и 21). а в Притчах подробно рассказывается о вреде вина в главе 23.

Чревоугодие имеет социальные последствия. Соблюдающие закон — мудрые дети, а друзья чревоугодников позорят своих родителей (28:7). Теперь, хотя озабоченность репутацией представляет собой несколько опасностей, они вскоре всплывают на поверхность, когда дело доходит до зависти, тщеславия и гордости, в Притчах сохраняется здоровая форма социального осознания того, как другие воспринимают наш самоконтроль.

В отношении как чрезмерной щепетильности, так и ожесточенной совести послание Притчей, когда речь идет о еде и питье, согласуется с 1 Коринфянам 10:31. Едите ли вы, пьете или что-то еще делаете, делаете все для славы Божьей и продвигаете славу Божью, это будет означать некоторое самосознание относительно социального восприятия нашего самоконтроля. Подобно похоти и обжорству, алчность и жадность имеют дело с деформированными желаниями. Де Янг отмечает, что Фома Аквинский описывает объект жадности как деньги или все, что можно купить за деньги, что считается полезным или прибыльным.

С другой стороны, похоть и чревоугодие подразумевают желание вещей, поскольку они доставляют нам физическое удовольствие. Итак, по крайней мере вначале, жадность инструментально связывает деньги с удовольствием

как средство достижения этой цели. Но в конечном итоге, как это ни парадоксально, такая форма эгоцентризма, жадность, заменяет деньги тем, что на них можно купить.

Деньги становятся самоцелью, а не просто средством достижения какого-то другого удовольствия. Символично, что ростовщик, ростовщик, пытается заработать деньги на деньгах, а не на труде, при этом деньги заменяют все действительно ценное, например, дружбу или любовь. По словам Шимля, масштабы такой трагедии превращают жадность в своего рода духовную водянку.

Для него характерна ненасытная жажда воды, хотя тело уже наполнено жидкостью. Физическая и духовная водянка также схожи тем, что чем больше больной пытается утолить свою жажду, тем больше стимулируется его жажда. Жадность – это когда наша любовь к деньгам становится такой, как духовная водянка.

В классическом понимании добродетели стоят между крайностями порока с обеих сторон. Добродетель, которой противостоит жадность, — это щедрость, свободное и искусное использование денег для удовлетворения потребностей других и себя. Расточительство, казалось бы, противоположное жадности, с другой стороны, иными словами, растрата денег, также нарушает щедрость, свободно и искусно используя деньги для удовлетворения потребностей других и себя.

А расточительство денег, расточительность можно даже считать скупостью, жадностью. Несмотря на отсутствие той формы привязанности к деньгам, которая ведет к тщательному управлению, такая расточительность по-прежнему отражает чрезмерное стремление к полезности денег. С другой стороны, скупой человек, чьи привычки к расходам кажутся разумными, может быть также и скупым.

Они могут копить деньги из-за уродливого желания получать удовольствия в будущем или из-за того, что измеряют свою жизнь самими деньгами. Неудивительно, что любовь к деньгам является корнем всех видов зла, 1 Тимофею 6:10. Иоанн Кассиан трактует предательство Иудой Христа как притчу о корыстолюбии. Из этого следует, что алчность побуждает нас предать человечность друг друга.

Поступая таким образом, мы предаем и нашу собственную человечность. Одной из наиболее ярких иллюстраций в Священных Писаниях является убийство Навуфея Ахавом и Иезавели с целью завладеть его виноградником. Эта история завершается этой показательной строкой.

Действительно, не было никого, подобного Ахаву, который продал бы себя, чтобы сделать зло в очах Господа, по настоянию своей жены Иезавели. Это в 3 Царств 21. Как и в случае с другими пороками, в основе алчности лежит гордость.

Мы жадны и хотим денег ради самих себя, чтобы они служили своего рода мерилom нашей личности. Но по иронии судьбы гордость предшествует падению. Жадный человек в конечном итоге теряет собственное достоинство, потому что становится рабом денег.

Нам следует добавить несколько важных принципов относительно богатства, которые особо выделены в Притчах. У меня не будет времени вдаваться в их подробности, но нам, по крайней мере, необходимо охарактеризовать их в целом. Во-первых, прибыль, полученная нечестным путем, на самом деле убыточна.

Притчи противостоят жадности различными способами. Богатство, полученное поспешно, уменьшится, а собирающие мало-помалу умножат его (13:11). Жажущие неправедной корысти создают проблемы своим домашним, а ненавидящие взятки будут жить, 15:27 и так далее.

Для Притчей наслаждение богатством связано с его правильным приобретением, а не только с оправданием себя за то, что мы избегаем преступного поведения, но и с учетом того, как наша прибыль влияет на наше сообщество. Во-вторых, приобретение богатства включает в себя сложный набор факторов. В Притчах признается, что Божье суверенное благословение приносит богатство.

Благословение Господне обогащает и не прибавляет с собою печали (10:22). Но человеческий фактор также имеет значение, и он не всегда положительный. Робкие становятся нищими, а агрессивные приобретают богатство, 11:16.

Почему глупцы должны иметь цену, чтобы купить мудрость, если у них нет желания учиться (17:16)? Более того, даже видимость богатства может быть обманчивой. Некоторые притворяются богатыми, но у них ничего нет. Другие притворяются бедными, но имеют большое богатство (13:7).

Итак, приобретение богатства является сложным процессом. Богатство приносит пользу тем, кто не держится за него слишком крепко. В-третьих, богатство богатых – их крепость.

Бедность бедных – их гибель, 10:15 . Итак, «Притчи» реалистично утверждают, что для функционирования нам нужны деньги. Но на более широкую иронию намекает такой отрывок, как 18:11.

Богатство богатых – их крепкий город. В их воображении это похоже на высокую стену. Но насколько мы на самом деле уверены в своем богатстве? Что ж, 1-я Тимофею 6, я думаю, согласуется с Притчами, когда говорится, что тем, кто в нынешнем веке богат, повелевают им не гордиться и не возлагать надежды на ненадежность богатства, но, скорее, на Бога, Который богато дает нам все для нашего наслаждения, стих 17.

И далее в стихах 18 и 19 говорится о богатых, что они должны творить добро, быть богатыми добрыми делами, щедрыми и готовыми делиться, таким образом сохраняя себе сокровище доброго основания для будущего, чтобы они могли хвататься за жизнь, которая действительно есть жизнь. Жизнь, которая на самом деле является жизнью, включает в себя как прочно укоренившуюся надежду на будущее, так и зачастую некоторое наслаждение временным обеспечением Бога. Но если мы хотим максимальной прибыли, «Притчи» попытаются заставить нас задуматься о том, что лучше других вещей.

Итак, богатство не приносит пользы в день гнева, а правда избавляет от смерти (11:4). Лучше немного со страхом Господним, чем большое сокровище и беда с ним. Лучше ужин из овощей, где есть любовь, чем откормленный бык и ненависть вместе с ним (15:16 и 17). Мы могли бы перечислить множество других примеров такого рода высказываний «лучше, чем».

С точки зрения Притчей, Бог заставил нас работать над ресурсами, которые удовлетворяют потребности нашей семьи и доставляют умеренные удовольствия, которыми мы с благодарностью наслаждаемся как божественные дары. Однако богатство сталкивает грешных людей с идолопоклонническими и репрессивными опасностями. Если кратко заглянуть вперед, Притчи 30, 8 и 9: не дай мне ни бедности, ни богатства, накорми меня пищей, в которой я нуждаюсь, иначе я буду сыт и отрекусь от тебя и скажу: кто такой Господь? Или я стану бедным, украду и оскверню имя Бога моего.

Этому мудрому изречению вторит Иисус, когда он учит нас молиться, говоря: «Хлеб наш насущный дай нам сегодня». В-четвертых, порок лени рассматривается в Притчах многоуровнево. Прежде всего, божественное обеспечение обычно осуществляется через упорный труд, при этом лень является решающим, но ни в коем случае не исключительным фактором бедности.

10:4: «Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает». У тех, кто возделывает свою землю, будет много еды, а у тех, кто занимается бесполезными занятиями, нет здравого смысла. 12:7, и я мог бы перечислить массу других отрывков.

Так, лень может быть причиной бедности, а лень постыдна, согласно Притчам. 10:5: ребенок, собирающий летом, благоразумен, а ребенок, который спит во время жатвы, постыдится. 10:26 Что уксус для зубов и дым для глаз, то ленивый для хозяев своих.

По иронии судьбы, ленивые люди часто не осознают социальной медлительности вокруг себя, но на самом деле становятся жертвами гордыни. 20 :6,16, ленивый человек мудрее в самолюбии, чем семеро, умеющие отвечать благоразумно. Итак, лень позорна.

Но противостояние лени в Притчах выходит за рамки осуждения лени, и Притчи не упрощающе соотносят всю бедность с ленью. Например, рассмотрим 13:23: поле бедных может принести много пищи, но оно будет сметено несправедливостью. Более того, христианская традиция определяет лень гораздо шире, чем лень.

Грех лени имеет две составляющие: акадию , что означает отсутствие заботы, бесцельное безразличие к своим обязанностям перед Богом и человеком, что ближе к тому, что мы называем ленью, а также тристицию , означающую печаль и скорбь. На своих последних стадиях лень превращается в отчаяние в возможности спасения, в возможности преобразиться благодатью Божией, чтобы мы могли осмысленно действовать, расти и меняться в мире. Конечно, в Притчах отказ от работы может быть признан проблематичным в естественном или светском плане на базовом уровне природы.

Однако существует более серьезная проблема, связанная с искупительной благодатью, — отказ с надеждой подвергаться благочестивому наказанию, включая труд, который способствует развитию мудрости. Часто в Притчах лень ассоциируется с неупорядоченными и неудовлетворенными желаниями, и эта ассоциация согласуется с более широким христианским богословским подходом к лени. Но мы не должны злоупотреблять учением Притчей, упрощенно осуждая бедных людей или прославляя трудоголизм.

Вместо этого нам следует внимательно прислушаться к его более глубокому призыву отказаться от тщетных занятий и самопоглощения и перейти к обнадеживающим действиям, которые будут любить Бога и ближнего. Подобно предыдущим порокам, следующий главный порок — гнев — грешит против воздержания. Страсть сама по себе не является проблемой, а лишь озабоченность ею, как при лени, или неуместной погоне за соответствующими объектами, как при похоти и обжорстве, или погоне за неуместными объектами, как при жадности, когда деньги становятся самоцелью. .

Точно так же и здесь гнев проистекает из страсти к справедливости, которая активизируется некоторой воспринимаемой несправедливостью. Часто

несправедливость вполне реальна, но гнев предполагает непропорциональную реакцию. Сейчас продолжаются богословские дебаты о том, является ли гнев в случаях подлинной несправедливости пороком.

Ефесеям 4, 26 и 27, похоже, подтверждают наличие некоторого рода праведного гнева. Гневайся, но не греши. Не дай зайти солнцу во гнев твоим и не дай места диаволу.

Но те отцы церкви, которые считали, что гнев не может длиться дольше одного мгновения, могут с пользой бросить вызов нашему современному торжеству выразительности и тенденции потакать своим опасным реакциям. По крайней мере, на практическом уровне нам необходимо понять, когда и как возникает подходящий гнев. Действительно, по словам де Янга, беглый просмотр библейского симфонического текста дает дюжину отрывков, большинство из которых из Притчей, содержащих советы по поводу гнева.

Интересно, что ни в одном из них не упоминается ни единого слова о объекте нашего гнева. Отрывки о правильном выражении гнева можно кратко изложить в совете: «Остынь», — говорит она. Начнем рассмотрение Притчей на эту тему с отрывков, в которых говорится о насилии, которое часто проистекает из гнева.

Иногда средством приобретения богатства, 11:16, насилие может стать почти желаемой целью само по себе, как, например, в главе 13, стих 2. Нечестивцы могут проявлять жестокость из ненависти к праведникам (29:10). Часто нечестивые соблазняют своих соседей (16,29), используя засаду как метафору своих слов (12:6). Дважды нам сказано, что уста нечестивых скрывают насилие (10:6 и 11).

Однако в конце концов насилие нечестивых сметет их, потому что они отказываются делать справедливое (21:7). Во-вторых, насилие может быть физическим, а может и не быть физическим, выражаясь метафорически в терминах борьбы. 10:12а говорит, что ненависть возбуждает раздоры. 15, 1а говорит, что резкое слово возбуждает гнев.

Так, в некоторых текстах основное внимание уделяется провокаторам гнева, в который иногда могут впасть даже мудрые люди, ненависти, резких слов и тому подобного. Но эти подстрекатели не характеризуют мудрых людей, и вместо этого некоторые тексты сосредотачиваются на тех, кому свойственна глупость, часто используя образ разжигающего огонь, вспыльчивого человека, 15, 18, развращенного человека, 16:28, насмешник, 22:10, и 29:18, сплетник, 16:28, и 26:20, и 21, жадный, а также безбожный. Должно отрезвлять осознание того, что потакание гневу быстро помещает человека в число тех, кто по природе своей глуп, 20:3. Посему начало ссоры подобно проливу воды, поэтому остановитесь, прежде чем разразится ссора, 17:14.

Огонь и вода — вещи, над которыми легко потерять контроль. В другом образе, 26:17, подобно тому, как тот, кто берет за уши проходящую собаку, вмешивается в чужую ссору. Можно было бы упомянуть еще несколько отрывков, относящихся к этой теме, но пока мы можем задаться вопросом: как избежать раздора? Что ж, любовь покрывает все обиды, 10:12.

Мягкий ответ отвращает гнев, 15:1. Долготерпеливые утихомиривают раздор, 15:18. И в отличие от жадного человека, разжигающего раздоры, в 28:25 тот, кто надеется на Господа, обогатится. Итак, среди зачинщиков розни уже выявлена клевета, но об этом нужно сказать немного больше.

24:28 и 29. Не будь свидетелем против ближнего твоего без причины и не обманывай устами твоими. Не говори: я поступлю с другими так же, как они поступили со мной.

Я отплачу им за то, что они сделали. Хотя лжесвидетельство против ближнего кажется эффективным оружием, как признается в 25:18, на самом деле оно подобно воробью в его порхании, как ласточка в полете, незаслуженное проклятие ни к чему не приводит, 26:2. Фактически, злословящий язык производит гнев так же верно, как северный ветер приносит дождь (25:23). В конце концов, уста лживые скрывают ненависть, и кто произносит клевету, тот глуп, 10:18.

В-четвертых, безумие клеветы и возмездия взаимосвязаны. Поскольку, согласно Иакова 4:11 и 12, человек, который клеветает, узурпирует положение Бога как законодателя и судьи над другими. И Бог не делегирует возмездие кому попало, кроме правительственных чиновников, даже если с людьми действительно поступили несправедливо.

Мечь моя. Я воздам, говорит Господь во Второзаконии 32 и Римлянам 12. Так что не говорите: Я отплачу за зло.

Жди Господа, и Он поможет тебе, Притчи 20:22. Далее Павел продолжает в 12-й главе Послания к Римлянам: если враги ваши голодны, дайте им хлеба, а если жаждут, напоите их водой, ибо вы соберете им на головы горящие угли, и воздаст Господь вы из Притчей 25. Независимо от того, приводит ли их очевидный стыд к покаянию, удовлетворение потребностей наших врагов способствует милосердию.

Гнев кажется понятным перед лицом тех обид, которые мы пережили, а также вполне реальной уязвимости, которую чувствуют обиженные люди. Но гнев, даже гнев отчаяния, гордо узурпирует прерогативы Бога, неправильно понимая характер справедливости. Поскольку Божья справедливость может включать в

себя и милость, и возможность исправиться, иногда она может потребовать от нас значительного терпения.

В-пятых, самое широкое противодействие гневу в Притчах касается вспыльчивости. Глупые сразу выказывают свой гнев, а разумные игнорируют оскорбление, 12:16. Необдуманное слово приносит удары мечом, а язык мудрых приносит исцеление (12:18).

Вспыльчивый поступает глупо, и интриган ненавидим, 14:17. Долготерпеливый у того великий разум, а раздражительный возвышает глупость, 14:29. С разных точек зрения Притчи соотносят вспыльчивость с непристойным поведением.

Глупость, ранения, интриги, повторные преступления и так далее. Хотя у нас нет времени и места для того, чтобы очень часто исследовать соответствующие связи с Новым Заветом, которые могли бы более полно раскрыть целостный вклад Притчей в библейское богословие, здесь, очевидно, стоит упомянуть книгу Иакова, особенно главу 1. , стихи 19 и 20, и глава 3, стихи 5 и 6, а также упоминания о распрях, гневе, ссорах, разногласиях и разногласиях среди дел плоти, которые противостоят плоду Духа в Галатам 5. Гнев не только отражает невоздержание, но и проистекает из гордости. Это противоположность не только милосердию, но и страху Господню, потому что мы берем в свои руки то, что является прерогативой Бога в плане справедливости.

Вместо того, чтобы бояться Бога и доверять ему, чтобы быть терпеливыми по отношению к другим, мы боимся потери себя или любимых других и набрасываемся на него. Однако, согласно часто повторяемому припеву Ветхого Завета, Бог, которого, как мы говорим, мы боимся, милостив и милостив, долготерпелив и изобилует стойкой любовью. Мы хотим быть похожими на него, и «Притчи» способствуют этому.

Многое из того, что в Притчах называется раздором, может включать в себя компоненты другого смертного порока, зависти, искаженного чувства справедливости или восстания против другой стороны просто из-за того, кем они являются или что у них есть. Однако зависть — это не просто желание того, что есть у другого, или зависть к тому, что может или должно принадлежать самому себе. Зависть – это желание иметь то, что есть у другого, и желание, чтобы у него этого не было.

Другими словами, зависть рассматривает ближнего как объект нападения, а не просто сосредотачивается в первую очередь на объекте желания. Зависть, к сожалению, является неотъемлемой частью библейской истории почти с самого начала, поскольку Бог может быть только один, желая плода дерева, будучи подобным Богу, напал на божественного государя прямо в саду. Вскоре следует

повествование об убийстве Каином Авеля, которое произошло из зависти к одобрению Бога.

Зависть действует еще глубже, чем алчность или зависть, с которыми мы находимся внутри, нарушая обе стороны милосердия, любви к Богу и любви к ближнему. Теперь, как и следовало ожидать, в Притчах зависть рассматривается менее явно, чем другие пороки. Хотя «Притчи» обращаются к характеру, а не только к поведению, тип литературы, в которой «Притчи» по большей части включает в себя конкретные образы.

Эти конкретные образы фокусируются прежде всего на возникающих в результате социальных практиках и публичных проявлениях, таких как речь, а не непосредственно на самих внутренних диспозициях. Об этом трудно говорить так, как это происходит в Притчах. Таким образом, зависти трудно противостоять напрямую теми советами, которые обычно дают Притчи.

Тем не менее, в Притчах в главах 23 и 24 прямо сказано: не завидуйте нечестивым и не завидуйте богатым. Кроме того, в Притчах также рассматриваются многие причины зависти, такие как похоть, обжорство и жадность. Причины не завидовать нечестивцам и богатым известны.

Их гедонизм по иронии судьбы приводит к бедности. Они вносят хаос и раздор в общественный порядок, и у них нет будущего, даже если мы точно не знаем, как Бог с ними поступит. В Притчах зависть к богатым описывается как прискорбный факт культурной жизни.

Глава 14, стихи 20 и 21, бедных не любят даже соседи, а у богатых много друзей. Грешниками являются те, кто презирает ближнего своего, но счастлив тот, кто добр к бедным. В Притчах также рассматривается проблематичное отношение к ближним, которое может отражать и порождать зависть.

Унижающий другого лишен разума, а разумный человек молчит, 11:12. Души нечестивых желают зла. Их соседи не находят пощады в глазах их (21:10).

Не радуйтесь, когда ваши враги падают, и не позволяйте сердцу вашему радоваться, когда они спотыкаются, иначе Господь увидит это, будет недоволен и отвратит от них Свой гнев (24:17, 18 и т. д.). Сила зависти очевидна в главе 27 и стихе 4. Гнев свиреп, и гнев – это поток, но кто устоит перед ревностью? А в 14:30 жизнь тела – здоровое сердце, а ревность – гниль костей, как переводит Тремпер Лонгман. Ревность может иметь положительный оттенок в завете, когда Бог или женатый человек проявляют соответствующую ревность к любящей верности своего партнера.

Здесь, однако, мы имеем дело с гнилой завистью, которая разъедает человека изнутри, пока не выходит наружу и не приносит вреда. Таким образом, в конечном итоге главный порок гордыни предшествует падению. Искаженное самоощущение, раздутое славой или приниженное из-за неспособности поверить в Божью любовь, нарушает наши стремления к тварным благам, например, в похоти, чревоугодии и жадности, и нарушает нашу реакцию на других людей, например, в гневе и зависти. .

Если искажение опустошенности, неспособности поверить в Божью любовь, лень иногда может быть публично очевидным, тогда как кажется, что гордость может быть скрыта, то это лишь относительный контраст. Гордость со временем проявится, и тогда мы столкнемся с тщеславием. Эти два понятия концептуально различимы.

Гордость связана со стремлением продвигать себя способами, которые он одобряет. Тщеславие связано со стремлением угодить другим. Совершенство может быть законным стремлением, достойным признания в культуре.

Однако в нашей современной культуре, да, вероятно, и во многих других, людей больше интересует мнение других, чем само совершенство, и эта близорукость сближает тщеславие и гордыню. По иронии судьбы, современная жажда аутентичности и самовыражения может сосуществовать с малодушной потребностью в одобрении со стороны других. Социальные сети, как их называют, или антисоциальные сети, какими бы они на самом деле ни были, требуют в настоящий момент большого количества конкретных размышлений об этом пересечении тщеславия и гордости.

Тщеславие может включать в себя поиск похвалы за что-то недостойное или поиск похвалы из бесполезного источника, а также поиск похвалы от других ради себя, а не ради Бога или ближнего. Гордость может включать в себя восприятие себя как причины достижений, веру в то, что вы заслуживаете этих достижений, даже если они исходят от Бога, хвастовство качествами, которых вам на самом деле не хватает, или презрение к другим, у которых нет того, что есть у вас. Этот список исходит, в частности, от Шиммеля.

Особое прославление смирения в библейской мудрости не противоречит человеческому достоинству, свободе и индивидуальности. Притчи предполагают, что страх Господень и традиционное руководство помещают человека в контекст, который позволяет наслаждаться сотворенным миром и человеческим сообществом, развиваться как здоровый человек, чья уникальность проявляется в почитании Бога и благословении других, а не в том, чтобы быть здоровым. радикально автономен. Учитывая, насколько мы на самом деле сформированы контекстами наших отношений, признаем мы это или нет, выбор стоит не между человеческой индивидуальностью и

традиционными сообществами, а, скорее, между различными типами социальной формации.

Тогда смирение не означает пресмыкательства, как червя, отрицания достоинства личности или уникальности личности, а вместо этого отказ думать о себе выше, чем вы должны думать, признавая не только свои конкретные слабости, но и свои особые сильные стороны. по отношению к Богу и другим. Римлянам 12:3. Когда мы подходим к тому, как Притчи относятся к гордости, мы сразу видим, что Бог гордым противится. 15:25, например, Господь разрушает дом гордого, но сохраняет пределы вдовы.

16:5, все высокомерные — мерзость пред Господом. Будьте уверены, они не останутся безнаказанными. 16:18 и 19, как известно, гордость предшествует разрушению, а надменный дух предшествует падению.

Лучше быть смиренным среди бедных, чем делить добычу с гордыми. И наоборот, в 22:4 награда за смирение и страх Господень — это богатство, честь и жизнь. Опасность гордыни очевидна в 26:12. Видишь ли ты людей мудрых в своих глазах? На дураков надежды больше, чем на них.

Можно сказать, что в основе глупости лежит гордыня. Тем не менее, Притчи не отвергают все формы поиска почестей. В книге подчеркивается, что гордость на самом деле приносит бесчестие, а смирение — наоборот.

Глава 11, стих 2. Когда придет гордость, тогда придет и бесчестие, а со смиренными — мудрость. Здоровое сообщество признает мудрость скромных людей и не обращает внимания на дураков. 26.1, как снег летом или дождь во время жатвы, так честь не подобает глупому.

22:1, доброе имя предпочтительнее большого богатства, и благосклонность лучше серебра или золота. Есть разница между гордым стремлением к чести исключительно для себя в ущерб другим и отрицанием получения божественных даров. Есть разница между этим и поиском признания в качестве ответственного члена сообщества, соблюдающего завет.

Действительно, предупреждает Августин, что часто презрение к тщеславию становится источником еще большего тщеславия, ибо презрение к тщеславию не является предметом гордости. Мы можем попытаться вести себя так, как будто мы скромные люди, как странный новый тип спортсменов, которые говорят, что они действительно смиряются, получив какую-то честь. Эта словесная галочка весьма показательна в отношении своего рода ложного смирения в нашей культуре.

Так различные пословицы указывают на то, что социальный статус – это проверка характера. 27:21, тигель предназначен для серебра, а печь — для золота, поэтому человек испытывается хвалой. Существует искушение заискивать перед другими, вместо того чтобы иметь дело с истиной в любви.

Мы должны, однако, верить, что тот, кто упрекает человека, обретет впоследствии большую благосклонность, чем тот, кто льстит языком. 28:23, в здоровом заветном сообществе социальное одобрение может следовать за благочестивыми действиями, но в падшем мире нам часто нужно достаточно силы духа, чтобы бояться Бога, а не быть поработченными мнениями других. Ведь внешность может быть обманчива.

Как мы уже отмечали ранее, некоторые притворяются богатыми, но у них ничего нет, а другие притворяются бедными, но обладают огромным богатством. Как замечает Августин, в отношении богатства действительно следует бояться гордости. Он использует аналогию с раздутым мехом, чтобы проиллюстрировать, как человек, полагающийся на богатство, может казаться сытым, хотя на самом деле он является пустым нищим.

И дураки могут излучать уверенность, но мы должны признавать мудрость по-другому. 12:15, глупцы думают, что их путь правильный, а мудрые прислушиваются к советам. 13:10, от дерзости нерадивые заводят ссору, а мудрость — с теми, кто принимает совет.

Короче говоря, как противоположность гордости, библейское смирение воспитывает добродетельный характер через страх перед Богом, ведущий к благотворительности, противоположности похоти и другим серьёзным порокам. Такое смирение не уничтожает индивидуальность и не отрицает любую форму социального статуса. Стремление избежать моральной репутации в сообществе завета является законной целью.

Стремление к признанию мудрого человека может быть полезным для здоровья. Смертельная гордость проявляется, когда люди стремятся к признанию вопреки другим или помимо божественной благодати, не умея любить Бога и ближнего и служа только себе. Аналогия, которую мы проводим между божественным и человеческим домом в педагогике Притчей, усиливает губительность гордыни.

Те, кто отказываются принимать исправления от земных друзей и родителей, высокомерно отвергают дисциплину Божию. В противоположность страху Господню, гордыня предшествует возможному падению. Но иногда страх перед Господом требует мужественной индивидуальности в борьбе с бандой, что является следствием истинного смирения.

Действительно, люди могут развивать некоторые предварительные элементы благоразумия или других основных добродетелей помимо веры, но даже этот скромный моральный прогресс потребует определенной степени смирения, чтобы правильно слушать нужных людей. Мы можем надеяться, по благодати Божией, что это смирение направит людей, изначально находящихся на пути добродетели, к их более глубокой духовной потребности, в конечном итоге развивая в них богословские добродетели, соединяя их со страхом Господним как началом истинного, целостного, интегрированная мудрость.

Это доктор Дэниел Дж. Трейер в своем учении «Притчи для христианской жизни». Это сеанс номер три, Притчи 10-29, «Капитальные пороки».